

Александр Куприн

Рай

Александр Куприн

Рай

«Public Domain»

1921

Куприн А. И.

Рай / А. И. Куприн — «Public Domain», 1921

«...Во избежание соревнования и недовольства совсем уничтожено прежнее разделение на брюнетов и блондинов, шатенов и рыжих, курчавых и плешивых. Каждое утро на головах и лицах всех членов коммуны истребляется вся волосяная растительность. Операция эта производится с помощью электрических выжиганий; она безболезненна и занимает не более пяти секунд...»

Александр Иванович Куприн Рай

(Уцелевшие отрывки из рукописи, найденной в 1971 году при раскопках развалин Москвы. Экспертиза с большой достоверностью установила авторство мистера Роберта О'Брейля, сотрудника «Нью-Йорк Герольд», исчезнувшего бесследно в начале сороковых годов этого столетия во время своей отважной попытки проникнуть внутрь Всероссийской Коммуны. Документ, сохранившийся в запаянном жестяном цилиндре, сильно попорчен временем и сыростью.)

...и то, что было зачтено Плинию как акт величайшего научного подвига, явилось бы для нынешнего газетного корреспондента привычным исполнением служебного долга. Ехать по первому распоряжению директора газеты в дебри Средней Азии, к Северному полюсу, на театр самой свирепой войны, в местности, пораженные тифом или чумой, – для нас так просто, как для наших почтенных читателей утром надевать сапоги, а вечером снимать их...

...Как бы ни была велика опасность, – всегда рассчитываем, что есть два-три шанса выскочить из нее благодаря случаю или собственной находчивости. В том положении, в котором я сейчас нахожусь, шансы на спасение равны круглому, толстому, абсолютному нулю. Ни луча, ни малой искорки надежды покинуть когда-нибудь этот Земной Рай и хоть на мгновение взглянуть на прежний, добрый, старый, такой милый, такой неусовершенствованный мир. С той минуты, как меня провели сквозь электрические проволочные ограждения и подверг ли унижительному...

...и личности больше нет. Она совершенно растворилась, исчезла в том номере, под которым я значусь и буду значиться до самой смерти: М. 8044. 19-Д..

...Весь внутренний и внешний смысл здешней жизни можно выразить двумя словами: равенство и электрификация...

...Мужчины и женщины работают вместе, но живут отдельно. И те, и другие одеты одинаково, в серое сукно: серая куртка, серые штаны, серый, круглый, без козырька картуз, серая обувь; для отличия на спине простой краской напечатаны – номер под-подсекции, кроме того – буквы М или Ж, в зависимости от пола.

Во избежание соревнования и недовольства совсем уничтожено прежнее разделение на брюнетов и блондинов, шатенов и рыжих, курчавых и плешивых. Каждое утро на головах и лицах всех членов коммуны истребляется вся волосая растительность. Операция эта производится с помощью электрических выжиганий; она безболезненна и занимает не более пяти секунд..... стремятся путем дозировки труда, пищи и некоторых лекарств достигнуть одинакового веса для лиц одного пола и возраста, дабы не было поводов к хвастовству и зависти. Я состою в категории 4 п. 12 ф. Допускаются колебания в пределах десяти золотников. Завтра вторник; мне предстоит очередное взвешивание; по состоянию моего здоровья я уже предвижу, что всю следующую неделю мне придется принимать на ночь «Каскар Саграда»... но число слов, употребляемых членами коммуны, строго ограничено законным максимумом. Так, в прошлом году наш разговорный лексикон вмещал в себя сто тридцать пять коренных слов, декретом же этого года он сведен к девяноста словам, между которыми, впрочем, добрая половина – излишняя роскошь...

Пейзаж и природа признаны вредно действующими на нервы и характеры. В основу построек и планировки зданий легли: куб, квадрат и прямая линия. Деревья и цветы не упоминаются даже в разговорах – их больше нет...

Восемь часов – у станков и тракторов, приводимых в движение электричеством. Три часа – на все естественные потребности (мытьё, еду, отдых и пр.). Четыре часа – на воинские

упражнения; женщины отдельно от мужчин. Три часа – на изучение теории Маркса в популярном изложении Энгельса и на очередной митинг с заранее указанными темой и резолюцией. Один час – на общественную исповедь, которая состоит в том, что каждый коммунистка докладывает секретно своему ячеечному товарищу (эти – кучковым, а те – групповым и т. д.) как о собственных своих греховных, антикоммунистических словах, делах и помышлениях, сотворенных за день, так и, особенно, о поступках и предполагаемых мыслях своих товарищей по работе и ночлегу...

..... На сон шесть часов. Мужчины спят в своих казармах, женщины – в своих. Спальные камеры, круглые, с определенными нумерованными местами. Придя для ночлега, все в строго точный час, минуту и секунду ложатся на пол, на круглую подстилку, звездообразно, ногами в середину, головами наружу, обязательно на правый бок. Раздается звук гонга; сверху, с потолка, спускается общее, коммунальное ватное одеяло. В тот же миг электричество гаснет, и наступает обязательное безмолвие. Видеть сны строгойше воспрещается. В три часа утра коммунальное одеяло, по гонгу, взвивается вверх.....

Повсюду на стенах рабочих отделений висят плакаты: «Человек может сработать в пять раз больше того, что ему позволяют его силы, коммунист – вдесятеро». Поэтому во время работы всякий из нас незаметно соединен электрическим проводом с главной станцией, где отдельные механические счетчики указывают интенсивность работы каждого станка. В случае ослабления энергии в одном, данном месте – все равно, будь это от лени, усталости или болезни – туда немедленно пускается страшной мощности ток, производящий на человека чрезвычайно возбуждающее и крайне болевое впечатление, и указатель счетчика мгновенно поднимается до общего уровня. Был случай, что один рабочий, скончавшийся за станком от разрыва сердца, продолжал механически работать еще полтора часа после своей физической смерти, под действием этого тока. Был и другой случай: сто двадцать рабочих одного отделения успели каким-то чудом столкнуться между собой, чтобы ради отдыха поработать хоть один день в половину обычного, крайнего напряжения сил. Между ними один оказался предателем. Ради будущей выгоды он работал всюду, и разница с его счетчиком выдала надсмотрщикам эту итальянскую забастовку. Все сто двадцать, кроме одного, были, как молнией с неба, убиты коротким электрическим ударом...

Едим три раза в день: утром и вечером сухие галеты из белковых веществ, среди дня – обед. Обедаем сообща (девиз коммуны: «Никогда одиночество») за длинными мраморными столами, в которых сделаны выемки в форме глубоких тарелок, а сбоку на цепочках прикреплены ложки. Ровно в полдень, по звонку, миски эти механически наполняются снизу единообразной густой похлебкой или кашницей, содержащей в себе размельченными (во избежание неравенства порций) все необходимые элементы питания. У каждого под мышкой цилиндрический сосуд с наконечником – подобие старинного клизопомпа. Если кто-нибудь бывает замечен в болтовне и склонности к веселью или уличается в намерении зачерпнуть ложкой у соседа, инспектор подходит к нему, опускает клизопомп в его размазню, и – фьють – тарелка разом пустеет. Перед каждой едой и после нее дежурный староста читает вслух, по обиходу, отрывки из Коммунистического Манифеста...

... но весной, в месяц Любви, некоторых из нас отправляют на сборные случайные пункты, где товарищи, заведующие специально половой статистикой, распределяют... большие залы, украшенные портретами прародителей и отцов Великой революции...

... детей мы никогда не видим, так же как и глубоких стариков. Человек «изработавшийся» как-то сам собою внезапно исчезает в одно прекрасное для него утро. Подобно им исчезают и товарищи с непокорным выражением лица. В такие дни наши похлебki бывают наваристее...

... ибо существуют особые кабинеты для чтения мыслей при помощи остроумных электрических приборов...

В стороне от расположения коммунистического поселка над ровной плоскостью и строгими рядами казарм возвышается до неба железная башня. Там сосредоточены электрические машины, откуда передаются сигналы, и там-то живут Они, Неназываемые, Владыки, Божественные, о которых не разрешается не только говорить, но и думать. От них – пища, и вода, и свет, и тепло, и работа, и вся наша жизнь, и наша смерть. Когда они на своих воздушных машинах пролетают над поселком, мы при первом же звуке винта падаем на землю, и закрываем лицо руками, и лежим так, стараясь не дышать до тех пор...

... О тех трудностях, с которыми я достал кусок кости и немного тонкой бумаги... Чернила я составил...